

А.П. Шекшеев *

**ВЛАСТЬ И ЕНИСЕЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО:
ОТНОШЕНИЯ НА ПОЧВЕ САМОГОНОВАРЕНИЯ
(1917 – начало 1930-х годов)**

Начиная с 1990-х годов внимание историков всё более стало обращаться к ретроспективе потребления человеком горячительных напитков и отношений, возникавших на этой почве, между властью и, в частности, сибирским обществом эпохи социальных потрясений [1]. При этом одни из них, подвергнув сомнению обусловленность широкой алкоголизации масс, сопровождавшей общественные катаклизмы, лишь желанием обездоленных людей утопить в вине горести своей жизни, пытались рассматривать революцию как следствие народных эмоций, образовавшихся из-за введения властями «сухого» закона. Другие исследователи видели в пьянстве средство, стимулирующее поведение людей и тем самым определяющее эскалацию гражданской междоусобицы [2]. Поэтому выявление взаимосвязи между потреблением алкоголя и участием крестьянства в политических событиях, сути его отношений с государством на этой основе во время крутой системообразующей трансформации, впервые осуществляемое в территориальных границах такого крупного и конкретного региона, как Приенисейская Сибирь, приобретает определённое научное значение.

Февральская революция 1917 г. сохранила «сухой» закон, введённый царским правительством с началом Первой мировой войны. Но в сибирской глубинке крестьяне давно пользовались самогоном. Жандармское руководство отмечало, что самогонование в некоторых уездах Енисейской губернии приняло «чудовищные размеры», а в пьянстве участвовали все крестьяне, от детей до стариков. Свобода, дарованная революцией, понималась населением так, что оно тут же распространяло выгонку самогона в новых местностях [3].

Революционная общественность отрицательно восприняла всплеск самогонования. В постановлении от 31 мая 1917 г. исполком Красноярского совета предупредил жителей, что за обнаружение спиртных напитков они будут подвергнуты наказанию, а также создал комиссию по борьбе с пьянством. Однако антисамогонные меры дали положительные результаты только в губернском центре, а в сельской местности выгонка самогона даже возросла. Настоящая борьба с самогонованием в деревнях началась лишь с появлением у советов вооружённой силы. Губисполком, констатировав в постановлении от 13 января 1918 г., что «самогонка одолела деревню», направил для её уничтожения красногвардейские и «летучие» отряды. Рейды их по деревням Красноярского уезда, сопровождавшиеся разгромом самогонных заводов, служили пополнению бюджета советских органов. Иногда крестьянство пыталось бороться с самогонованием собственными силами. Но чаще всего антисамогонные действия отрядов наталкивались на сопротивление крестьян и заканчивались сомнительным результатом. Например, прибывший в Больше-Муртинскую волость Красноярского уезда, где в деревнях гнали самогонку всем обществом, красногвардейский отряд, не решившись конфликтовать с вооружённым и грозившим расправиться населением, был вынужден ретироваться. Другой отряд, разгромивший множество общественных и индивидуальных заводов, ночью был окружен толпой в 500 – 600 съехавшихся на пасхальную заутреню крестьян. С трудом, лишь пригрозив применением бомб, красногвардейцы смогли вырваться из кольца крестьян, возжелавших проучить их за уничтоженную самогонку. Дождавшись отъезда крестьян, отряд вернулся в село и наказал его жителей за самогонование. В Енисейском уезде очевидец констатировал, что «деревня превратилась в сплошные самогонные заводы». Несмотря на рейдирование, в Канском уезде, по свидетельству председателя уисполкома, самогонование также стало распространяться ещё сильнее [4].

Противоречивым было отношение к потреблению спиртного населением у «белой власти». Западно-Сибирский комиссариат отказался от легализации потребления алкоголя, а Временное Сибирское правительство, решив таким путём пополнить свой бюджет и привлечь население к уплате налогов, разрешило возобновить продажу казенной водки. Но местные власти, установив систему дозированного потребления спиртного, превратили его в предмет спекуляции. Поэтому на селе предпочитали пить «горькую» собственного производства. В ситуации, когда у правительства отсутствовали денежные средства, необходимые для содержания армии, крестьяне, получив осенью 1918 г. обильный урожай, пустили хлебный запас на выгонку самогона. Однако усилившееся преследование властями жителей деревни за винокурение вызвало их крайнее недовольство и стало одной из причин возникновения повстанчества.

* © А.П. Шекшеев, 2006.

Случалось, что алкоголь облегчал крестьянам принятие решения о начале антиправительственного выступления. Посетивший восставшую Мокрушинскую волость (Канский уезд) В.Г. Яковенко, вспоминая, писал об анархии, царившей здесь, так: «В каждой деревне по улицам таскаются вооружённые дробовиками пьяные, все шумят» [5]. Порой неумеренное потребление спиртного имело для партизан трагические последствия. Например, командование итальянцев, отряд которых в начале июня 1918 г. занял с. Кияй, свою лёгкую победу объясняло тем, что «большевики были поголовно пьяны» [6]. Совершившие переход в Минусинский уезд партизаны уничтожили винные запасы Курагинской и Имисской «монополек», а затем начали мародёрствовать и расстреливать лиц, заподозренных в симпатиях к белым [7]. В Минусинске, где белыми были оставлены огромные запасы спиртного, произведённого местными заводами, пьянство партизан из-за слабой организации его выдачи приобрело огромные размеры. 20 ноября 1919 г. Армейский совет в очередной раз запретил предоставление бойцам спиртного. Но данное решение было продиктовано не столько тем, что неумеренное потребление горячительного партизанами приводило к беспорядкам, сколько близким исчерпанием его запасов. Покидая Минусинск, партизаны увезли с собой, якобы для нужд Красной армии, шесть – семь бочек спирта, одной из которых потом не досчитались, а оставшиеся здесь тыловые части продолжали снабжаться спиртным вплоть до февраля 1920 г. Естественно, что местная жизнь была насыщена пьяными безобразиями [8].

Большевики, пришедшие к власти в основном на штыках Красной армии, также не отличались сдержанностью в потреблении спиртного. Жители Красноярска, судя по письму одного из них, увидели, что «по-прежнему комиссары пьянствуют, ... а коммунисты живут барами: спят на пуховых перинах, в квартирах ковры, хрусталь...» [9]. Не успел Енисейский губком РКП (б) осудить пьянство и грубую выходку командующего военным округом А.И. Окулова по отношению к бывшему партизанскому главкому А.Д. Кравченко, как он организовал в штабе ужин с цветами, концертом и танцами, названный очевидцами «белогвардейским» [10].

На новогоднем 1923 г. маскараде в Минусинском театре был арестован пьяный и дебоширивший комендант гарнизона. Его сослуживцы, угрожая применением военной силы, добились освобождения «красного героя» [11]. Наряду с военными, пьянствовали служащие правоохранительных органов. В январе 1925 г. группа агентов уголовного розыска и милиционеров, напившись, явилась в Канский театр, где, угрожая арестами, устроила дебош с приставанием к приезжей балерине и избиением её мужа. Будучи пьяными, члены Шалаболинского сельсовета и сельисполнители (Минусинский округ) в сентябре 1927 г. открыли в селе стрельбу, а один из них, гонясь с винтовкой за подростками, отобрал у крестьянок три куля ягод. Милиционер Бирилюсского района, напившись, разбил голову арестованному крестьянину, в Ермаковском же районе – застрелил односельчанина [12]. Безобразиями отличались партийно-советские работники уездно-окружного и районного масштаба. В августе 1926 г. на глазах населения завогг Хакасского окружкома ВКП(б) организовал на ст. Абакан пьянку, вылившуюся в драку со стрельбой. Секретарём Казачинского райкома партии устраивались вечера, переросшие в пьянство отработчиков и вызвавшие возмущение у населения. Секретарь Тюхтетского райкома (Ачинский округ), создав «гарем» из прислуги, пьяным разгуливал по райцентру в окружении девиц лёгкого поведения, а на Пасху 1927 г. устроил с парнями кулачный бой и попойку в избе-читальне. Начальник милиции не мог унять пьяного председателя райисполкома, который в одной рубашке с наганом носился по улицам, крича: «В бога мать, пристрелю!» [13]. Такие руководители использовали командировки в деревню не только в деловых целях.

Но больше всех, как докладывал в 1922 г. в ЦК партии о результатах обследования Енисейской губпарторганизации его инструктор П.И. Струппе, пьянством занимались «уездники», поголовно имевшие самогонные аппараты. Судя по отчётам сибирских комиссий и сводкам ОГПУ, пьянство в жизни коммунистов занимало большое место: порой они пили месяцами, будучи вооружёнными, дебоширили в общественных местах и, угрожая насилием, преследовали крестьян и крестьянок. Частыми были пьяные драки коммунистов и комсомольцев между собой и с беспартийными, а также антицерковные акции, совершаемые пьяными компаниями во главе со служащими партийно-советских органов [14]. Вакханалия среди коммунистов достигла своего апогея в 1927 г.: они первыми в деревне использовали слабость государства, проявленную им в борьбе с самогонварением. Окружные парторганизации, начиная с 1925 г., активно занимались очищением своих рядов от пьяниц, но вскоре из партии стали исключать совсем других лиц, а её члены, проявившие зависимость от алкоголя, случалось, становились руководителями создаваемых колхозов.

При потворствовании властей крестьяне занимались самогонварением из разных побуждений. Хотя трудовые будни были трезвыми, алкоголь прочно укрепился в крестьянском быту. Он употреблялся во время праздников, свадеб и похорон, в повседневной жизни и являлся своеобразной формой оплаты труда односельчан. В середине 1920-х годов самогон распивался в большинстве (75 %) крестьянских хозяйств губернии [15]. Усилению самогонварения способствовал кризис рыночных отношений между городом и деревней. Крестьянину стало выгоднее сбывать в городе не хлеб, а полученный из него самогон и на вырученные деньги покупать промышленные товары. В условиях налогового прессы выгонка самогона, принося доход, имела в крестьянской жизни экономическое значение. При классовом подходе властей к наказанию лиц, виновных в винокурении, этим промыслом, используя чужое сырьё, в основном занималась беднота,

зажиточные же становились потребителями или перепродавцами продукции. Так, в 1923 г. среди участников выгонки зажиточные составляли 10 %, середняки – 30 и беднота – 60 % [16]. Были такие селения, как д. Троицкая Красноярского уезда или, позднее, д. Берёзовка Минусинского округа, население которых жило за счёт выгонки и торговли самогоном. В середине 1920-х годов 40 % самогонки, произведённой енисейскими крестьянами, уходило на собственное потребление, 20 % – на продажу для поддержания хозяйства, 15 % – для уплаты налога и 25 % пускалось на обогащение [17]. Объёмы самогонварения находились в прямой зависимости от эффективности работы милиции, степени наказуемости самогонщиков, а в дальнейшем от выпуска государственной водки и цен на нее. Потребление алкоголя крестьянами возрастало к зиме с уплатой налогов и в разное время из-за слухов о предстоящей войне и уменьшалось весной с исчерпанием хлебных запасов.

Согласно наблюдениям современников в деревне при большевистском режиме стали пить больше и чаще, чем в дореволюционное время [18]. Значительный размах приобрели самогонварение и пьянство в урожайный 1923 г.: по всей губернии тогда было произведено 10 млн 800 тыс. бутылок горячительного, на выгонку которого ушло 1 800 тыс. пудов хлеба [19]. Губернская комиссия в конце 1925 г. установила, что из трёх тысяч обследованных населённых пунктов, располагая 4 356 аппаратами со средним годовым производством каждого в 82 ведра, самогон гнали в 2 460 селениях. Расходуя на выгонку ежегодно 800 тыс. пудов хлеба, население выпивало до 426 тыс. ведер спиртного [20]. Для сравнения укажем, что по продразвёрстке с августа 1920 по июль 1921 г. у крестьян губернии были изъяты 5 207 тыс. пудов зерна [21]. Обозначилась даже проблема детского алкоголизма: ОГПУ зафиксировало, что в 1923 г. в д. Белорусская Красноярского уезда дети в возрасте до шести лет пьяными валялись на улице, к апрелю 1925 г. самогонку потребляли 75 % всех детей Канского уезда, в декабре 1926 г. во время празднования дня «Егория» в одну из школ Сухобузимского района явились 8 – 9 учащихся в пьяном виде, а в д. Успенка Рыбинского района ежедневно на занятия в нетрезвом состоянии приходили 5 – 6 подростков [22].

Следствием потребления алкоголя стала возросшая преступность. Например, в феврале 1923 г. на почве пьянства в с. Рыбное Канского уезда была перебита семья из четырёх человек, в марте крестьянин д. Михайловка напился до такой степени, что убил своего родственника, а затем, протрезвев, утопился. Ежегодная смертность ачинских крестьян, отмечавших церковные праздники, доходила до 200 человек [23]. Более того, пьянство выступало в качестве фактора, тормозившего политическое развитие деревни, и порождало враждебное отношение её населения к властям. Из-за занятости населения винокурением его было трудно завлечь на общественные собрания и выборы советов. «Лишенцы», напившись, неоднократно избивали сельских активистов. Озлобленность крестьян доходила до того, что они, например в с. Белоярское Минусинского округа, расколовшись на артели бывших партизан и «кулаков», выгонявших самогон, на почве пьянства устраивали коллективные драки с хозяйственными погромами [24].

Первыми антисамогонные акции в губернии начали осуществлять части 27-й Омской стрелковой дивизии. С марта – июня 1920 г. в связи с необходимостью прекращения «преступного расточения хлебных запасов» борьба с самогонварением перешла в ведение советских органов: на местах стали создаваться специальные тройки и комиссии, которые наказывали виновных конфискацией хлеба и определением их на принудительные работы. Эти меры носили одиночный характер облав на самогонщиков в отдельных сёлах. Но с июля 1922 г. в силу вступил новый Уголовный кодекс РСФСР, давший толчок широкой кампании борьбы с самогонщиками. Начиная с января 1923 г. она стала осуществляться путём организации специальных двухнедельников, а затем и ударных месячников. В целом по губернии милиция с января по октябрь 1923 г., с 20 декабря по 20 января 1924 г., с апреля по сентябрь и с января по март 1925 г. провела 12 330 обысков, изъяла у населения 5 261 аппарат и 8 149 ведер самогона. В 1923 г. были возбуждены 4 129 дел, а в апреле – июне 1924 г. к судебной ответственности привлекли 2 108 самогонщиков [25].

Уже в середине 1920-х годов большинство участников антисамогонной борьбы убедилось в её бесперспективности. Сельсоветы начали отказываться подавать сведения о самогонщиках в вышестоящие органы. На VI губернском съезде советов (апрель 1925 г.) участники с одобрением встретили заявление одного из делегатов: «Я тоже пью, но кто видел меня пьяным?» [26]. В то же время милиционеры, озлобившись на неуёмных самогонщиков, выявляя их, переходили грань дозволенности: в январе 1925 г. в с. Устьянское Канского уезда при обыске душили крестьянина верёвкой, а в с. Рождественское, обнаружив бочку браги, запугали крестьянку до такой степени, что она зарезалась, оставив троих детей [27].

Крестьянство всё сильнее выражало своё недовольство антисамогонными действиями властей. В конце 1924 г. повальные обыски для обнаружения аппаратов и облавы на самогонщиков, осуществляемые в с. Знаменское Минусинского уезда милицией, едва не закончились кровавым побоищем. Случалось, что подобные действия представителей властей сопровождалось нападениями крестьян, а порой их убийствами. В 1923 г. в д. Бражная Канского уезда и с. Нахвальское Красноярского уезда за изъятие самогонки жители убили милиционера и председателя волисполкома, а в д. Межево Енисейского уезда ранили начальника районной милиции Ф.С. Лукашевского. При отобрании самогона в 1924 г. в д. Кыженак Красноярского уезда один из милиционеров был ранен, другой – избит, скончался от ранений начальник районной милиции Я.Я. Гигуль, обнаруживший вблизи с. Уяр самогонный завод. Ещё для одного «начмиля», Ф.Ф. Садретдино-

ва, поимка троицких самогонщиков (Красноярский уезд) в 1925 г. едва не закончилась смертельным исходом [28].

С целью сбить волну самогонварения в деревне и усилить поступления денег в бюджет государство в октябре 1925 г. ввело винную монополию. Крестьяне встретили выпуск водки в основном благожелательно. Однако повышение цен на неё, вызвав недовольство населения, сократило размеры торговли. С лета 1926 г. правительство было вынуждено вновь снижать цены на водку. Из-за этих манипуляций самогонварение возросло до прежнего уровня. Борьба с ним переходила на деревенскую периферию, в таёжную глушь, где у крестьян всё ещё имелись крупные винокурные заводы. Она по-прежнему сопровождалась сопротивлением крестьян и кровавыми эксцессами. На этом «фронте» власть, как считают историки [29], окончательно сдалась в 1927 г.: принятый вновь УК РСФСР не предусматривал наказание за самогонварение.

Между тем выгонка самогона и, соответственно, борьба с нею в енисейской деревне не прекращалась: с начала 1926 и до середины 1927 г. милицией по этой статье было возбуждено 4 878 дел [30]. С принятием ВЦИК и СНК РСФСР в январе 1928 г. постановления, которым за приготовление и сбыт спиртного предусматривались административные наказания, милиция начала ещё одну ударную кампанию против самогонщиков. На этот раз антисамогонные акции проходили при поддержке определённой части деревенского населения, особенно женщин. Успешными они были в Минусинском, Красноярском округах. В 1928 г. впервые потребление алкоголя в деревне уменьшилось вдвое.

Новая вспышка пьянства низовых управленцев и крестьян произошла во время «великого перелома». В 1930 г. отмечалось «небывалое» пьянство крестьян целыми группами и неделями. Лица, объявленные «кулаками», часто решали так: «Продам всё, что у меня есть, пропью, а затем пойду в тюрьму» [31]. Выселяемые крестьяне-минусинцы по пути к эшелону на ст. Абакан заезжали к родственникам, где предавались пьянству. Но вскоре, как и во время изъятия продразвёрстки, сырьё для выгонки самогона закончилось, и вспышки деревенского пьянства стали принимать всё более депрессивную окраску.

Репрессивная политика государства по отношению к деревне развязала у населения самые низменные инстинкты. Коллективизацию и раскулачивание осуществляли лица, порой находившиеся в алкогольном опьянении, но помнившие об удовлетворении собственных интересов. Например, в феврале 1930 г. секретарь Корниловского сельсовета (Ачинский округ), ввалившись пьяным в дом середняка, настаивал на его немедленном выселении, другим же за водку обещал отсрочку [32]. Санкционированное властью насилие над деревней приводило в шок администрации целых районов: с повального пьянства всего актива, например, началась коллективизация в Ужурском районе. Безнравственность облика и поведения лиц, ставших хозяйственными руководителями, понимание некоторыми из них своей беспомощности в решении социально-экономических вопросов выливались в пьянство колхозников, ещё более усугубляющее положение деревни. Ощущение вседозволенности, подпитываемое алкоголем, нередко приводило представителей власти к их гибели или к совершаемым ими преступлениям. Однако среди крестьян находились и лица, способные наказать зарвавшихся управленцев. Травмированием головы закончились в 1930 г. пьяные безобразия милиционера и сельсоветчика в д. Подкаменная Ачинского и с. Усть-Ерба Хакасского округов [33].

Таким образом, потребление спиртного занимало немалое место в жизни енисейских крестьян, но в переломную эпоху спектр побудительных мотивов пьянства значительно расширился, масштабы возросли, а его последствия стали более значительными. Пример в потреблении алкоголя показывали представители власти, независимо от их политической окраски, пьющие и потворствующие распространению этого социального зла на деревне. Власть, пытаясь пополнить свои бюджеты «пьяными» деньгами, осуществляли непоследовательную антиалкогольную политику. Крестьяне предпочитали потреблять самогон, производство которого имело для них ещё и важное экономическое значение. Борьба властей с крестьянством на почве самогонварения вызывала не только его недовольство, но и доходила до острых конфликтных ситуаций. Антисамогонные действия, натолкнувшись на сопротивление крестьян, не решили проблему их пьянства. С переходом государства к политике коллективизации она ещё более обострилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литвак К.Б. Самогонварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов /К.Б. Литвак // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 74-88; Звягин С.П. Сибирское земство и самогонварение в 1918 – 1919 гг. /С.П. Звягин // История крестьянства в России: материалы XVI Всеросс. заоч. науч. конф. – СПб., 2000. – С. 112-115; Рынков В.М. Винная монополия в автономной Сибири /В.М. Рынков // ЭКО. – 2000. – № 12. – С. 157 – 162; Такала И.Р. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России /И.Р. Такала. – СПб., 2002; Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири /Е.В. Луков // История Белой Сибири: материалы 5-й Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 79-83; Кузнецов А.И. Потребление алкоголя сельским активом Сибири глазами крестьянства 1920-х гг. /А.И. Кузнецов // Народ и власть: история, источники и методы исследования: материалы XVI науч. конф. – М., 2000. – С. 228 – 232.
2. Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон /С.А. Павлюченков // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 124; Рынков В.М. Водка казённая, самогон домашний /В.М. Рынков // Родина. – 2002. – № 6. – С. 52.

3. Красноярский рабочий. – 2003. – 31 декабря; Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1 /Д.А. Бугаев. – Красноярск, 1993. – С. 51, 165, 168.
4. Красноярский рабочий. – 1918. – 28 мая.
5. Яковенко В.Г. Записки партизана /В.Г. Яковенко. – Красноярск, 1988. – 160с. – С. 55.
6. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. – Л., 1925. – С. 178.
7. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 64. Оп. 11. Д. 641. Л. 70.
8. Там же. Д. 642. Л. 123; Д. 717. Л. 17; Соха и молот. – 1919. – 30 сентября, 7, 11 октября, 26 ноября; 1920. – 25 января, 8 февраля.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 83. Л. 24.
10. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 116- 117; ГАНО. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 2229. Л. 68; Оп. 2. Д. 436. Лл. 2, 9, 11.
11. ГАНО. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 276. Лл. 68-69.
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р.-49. Оп. 2с. Д. 143. Л. 48; ГАНО. Ф.П.-2. Оп. 1. Д. 2107. Л. 241; Ф.Р.-47. Оп. 5. Д. 58. Л. 3; ЦХИДНИ КК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614. Л. 18.
13. ГАНО. Ф.П.-2. Оп. 1. Д. 1204. Л. 379; Д. 1786. Л. 281; Оп. 4. Д. 44а. Л. 1; ЦХИДНИ КК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 327. Л. 28.
14. ГАНО. Ф.П.-2. Оп. 1. Д. 5. Л. 5; Д. 523. Лл. 147 – 148; Д. 1786. Л. 64; Д. 2106. Л. 243; Д. 2025. Лл. 65, 67; Д. 2108. Л. 32; Ф.Р.-47. Оп. 5. Д. 58. Л. 31; Филиал Центрального государственного архива Республики Хакасия (ФЦГАРХ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 73. Л. 42.
15. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 2. Ч. 1 /Д.А. Бугаев, Л.С. Жалимов. – Красноярск, 1995. – С. 53.
16. ГАНО. Ф.Р.-1. Оп. 2а. Д. 114. Л. 104.
17. Там же. Ф.Р.-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 19.
18. Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки)/И.С. Кузнецов. – Новосибирск, 2001. – 233с. – С. 148.
19. ГАНО. Ф.Р.-1. Оп. 2а. Д. 114. Л. 104.
20. Бугаев Д.А., Жалимов Л.С. На службе милицейской. – С. 52 – 53.
21. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925. Сб. документов и материалов. – Новосибирск, 1959. – С. 322.
22. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 6; ГАКК. Ф.Р.-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 125; ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 1. Д. 172. Л. 102; Ф.П.-2. Оп. 1. Д. 21. Л. 101.
23. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 42; ГАНО. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 297. Л. 51; Красноярский рабочий. – 1923. – 2 марта.
24. Минусинский городской государственный архив (МГГА). Ф. 25. Оп. 1. Д. 920. Л. 10.
25. Подсчитано по: Краткий отчет Енисейского губернского исполнительного комитета 5-му Енисейскому губернскому съезду советов за 1923 год. – Красноярск, 1923. – С. 37; Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 2./Д.А. Бугаев. – 1993. – 336с. – С. 222; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.-393. Оп. 48. Д. 79. Л. 30; ГАНО. Ф.Р.-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 19; Ф.Р.-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 9; Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1326. Л. 34.
26. ГАКК. Ф.Р.-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 131.
27. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 859. Л. 30.
28. Советская Сибирь. – 1925. – 8 января; Крестьянская газета. – 1925. – 26 марта; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 15; ГАКК. Ф.Р.-12. Оп. 1. Д. 468. Лл. 3, 5.
29. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия/В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 289; Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя... - С. 77.
30. ГАНО. Ф.Р.-20. Оп. 2. Д. 191. Л. 48.
31. Вострова С.Н. Экономическое поведение крестьян-единоличников Восточной Сибири в годы «великого перелома» (1929 – 1933 гг.) /С.Н. Вострова // Духовно-исторические чтения. Вып. VII. – Красноярск, 2002. – С. 276.
32. ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 5. Д. 104. Л. 59.
33. Там же. Л. 145; Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. 16. Оп. 3с. Д. 8. Л. 17.